

Войдя в тайный проход, шкала прогресса Лянь Цзюня начала стремительно таять и быстро опустилась до 500, что означало — теперь он в полной безопасности. Шкала самого Ши Цзиня тоже откатилась назад до 690.

Ши Цзинь тяжело вздохнул и сжал зубы, чувствуя одновременно облегчение и досаду. В то же время в его голове зародилась одна догадка:

— Каждый раз, когда непосредственная опасность милнует, шкала прогресса твоего Дорогого падает до 500. А эти оставшиеся 500 очков...

Сяо Сы услужливо поинтересовался:

<У тебя есть мысли на этот счет, Цзинь-Цзинь?>

Ши Цзинь бросил взгляд на шедшего впереди Лянь Цзюня, которого катил Гуа Три, и предположил:

— Не связаны ли оставшиеся 500 очков с физическим состоянием Лянь Цзюня?

<Думаю, Цзинь-Цзинь угадал правильно. Цзинь-Цзинь такой умный! Цзинь-Цзинь, ты просто прелесть!> — Сяо Сы всю ласкал Ши Цзиня, пытаясь поднять ему настроение.

Мозг Ши Цзиня чуть не расплавился от «похвалы» Сяо Сы. Он ущипнул себя, чтобы успокоиться, и спросил:

— Что не так с телом твоего Дорогого? Он болен?

Тон Сяо Сы стал серьезным:

<Нет, тело Дорогого слабо от рождения. Более того, у него серьезные проблемы с нервной системой.>

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Ши Цзинь.

Сяо Сы вздохнул и пояснил:

<Дорогой родился преждевременно. Его тело всегда было хрупким, а ноги — слабыми, но раньше всё было не так серьезно. Он мог нормально ходить и выполнять базовые физические упражнения, просто ему нельзя было перенапрягаться, иначе ноги начинали долго болеть.

Впрочем, если бы дело было только в этом, то при настойчивости и стараниях Дорогого его состояние постепенно бы улучшилось — это было лишь вопросом времени. Однако несколько лет назад из-за заговора внутри «Аннигиляции» Дорогого отравили новым видом нейротоксина, и он едва не погиб. Хотя им с трудом удалось раздобыть противоядие и спасти ему жизнь, повреждения оказались слишком глубокими, и его организм был подорван.>

Чем дольше слушал Ши Цзинь, тем глубже становилась складка между его бровями. Он продолжил:

— Значит, его ноги...

<Он может вставать и ходить, но не более чем на пару шагов, а из-за остатков токсина нервы, отвечающие за боль в ногах, стали невероятно чувствительными. Ты слышал историю о хождении по острым ножам? Когда Дорогой идет, он чувствует себя примерно так.>

Хождение по острым ножам.

Ши Цзинь невольно снова посмотрел на Лянь Цзюня в инвалидном кресле. Какое-то время он пребывал в глубоких мыслях, а затем морщинки на его лбу неожиданно разгладились. Он спросил:

— Сяо Сы, может ли шкала прогресса содержать смертельный фактор, который невозможно устранить?

Удивленный Сяо Сы на мгновение замолчал, а затем ответил:

<Нет, иначе эта игра была бы слишком нечестной по отношению к тебе и Дорогому.>

— Тогда всё просто! — Ши Цзинь воспрял духом и радостно произнес: — Не бывает неустранимых смертельных факторов — это доказательство того, что тело твоего Дорогого можно вылечить. Если мы сумеем найти правильный способ, он обязательно снова станет здоровым!

Сяо Сы остолбенел, а затем переполнился радостью. Спустя пару секунд он восторженно завопил:

<Т-ты прав, шкала прогресса не врет, раз оставшиеся 500 очков действительно вызваны состоянием его здоровья... Уа-уа-уа, Цзинь-Цзинь, ты такой добрый, Цзинь-Цзинь просто прелесть! Ты видишь тех милых обезьянок в гнезде Цзинь-Цзиня...>

Тихий голос Ши Цзиня оборвал его:

— У тебя склонность к членовредительству?

<...Цзинь-Цзинь, мы уже пришли.> — Сяо Сы тут же перевел тему, избегая ответа.

Ши Цзинь поднял голову. Тайный проход действительно подошел к концу, и путь им преграждала железная дверь.

Гуа Три отворил ее, и Лянь Цзюнь развернул свое кресло к Ши Цзиню, поинтересовавшись:

— Почему ты так тих? О чем думаешь?

Ши Цзинь бросил на него взгляд, оценив его хрупкое тело и бледное лицо, и со сложным чувством вздохнул:

— Я размышляю о том, дашь ли ты мне награду за этот месяц, раз я помог тебе поймать Гуа Четыре.

Лянь Цзинь никак не ожидал услышать такой ответ. Помолчав, он постучал пальцами по подлокотку кресла и подыграл Ши Цзиню:

— И какую же награду ты хочешь? Деньги? Или... свободу?

А? Так наградой может быть не только наличка?

Ши Цзинь не уловил скрытого подтекста в словах Лянь Цзюня. Уже собираясь махнуть рукой и запросить двойную зарплату, он вовремя прикусил язык и уточнил:

— Насчет этой награды... ты ведь обещаешь дать мне всё, что я попрошу, верно?

После этого вопроса постукивание пальцев Лянь Цзюня замерло. Гуа Три и появившийся из-за двери Гуа Два синхронно замолчали и уставились на них.

Ши Цзинь озадаченно нахмурился:

— Что с вами всеми? Я сказал что-то странное?

— Нет. — Лянь Цзюнь подавил эмоции, махнул рукой Гуа Три и Гуа Два, приказывая им отвернуться, и пообещал: — Чего ты хочешь? Говори, и я дам тебе это.

Получив заверения Лянь Цзюня, Ши Цзинь почувствовал облегчение:

— Тогда я хочу...

Бум—!

Где-то вдалеке раздался мощный взрыв, заглушивший слова Ши Цзиня. Он огляделся в поисках источника звука, но ничего не увидел — в крошечном лазарете, находившемся за дверью тайного хода, не было окон, и происходящего на улице разглядеть было нельзя.

Лянь Цзюнь нахмурился и велел Гуа Два и Гуа Три разобраться с подельниками Гуа Четыре, которые, судя по всему, продолжали безобразничать снаружи. Подъехав на кресле ближе к Ши Цзиню, он произнес:

— Не отвлекайся. Ши Цзинь, чего ты хочешь?

Удивительно настойчив в этом вопросе, выглядит так, будто не отстанет, пока не получит ответ.

Ши Цзинь повернул голову и попытался заговорить снова.

Грохох—!

Прогремела еще серия громких взрывов, на этот раз с нескольких разных сторон. Ши Цзинь потерял всякое спокойствие и встревоженно воскликнул:

— Они что, весь фруктовый сад разнесут?! Моя подушка вообще-то еще в общежитии!

Постоянно прерываемый взрывами, Лянь Цзюнь потерял терпение. Он вскинул руки, крепко ухватил Ши Цзиня за плечи, привлекая к себе внимание, и тихо спросил:

— Ши Цзинь, чего ты на самом деле хочешь?

Его руки были настолько ледяными, что Ши Цзиню передался этот холод. Он наконец сообразил, что с настроением Лянь Цзюня что-то не так, и хотел отстраниться, но тот продолжал удерживать его за плечи, не отпуская. Ши Цзинь нахмурился. Он аккуратно разжал чужие пальцы, взял его руки в свои и принялся мягко растирать их, пытаясь согреть.

— Чего ты так нервничаешь? Я просто хочу каждый раз есть вместе с тобой. И вообще, почему у тебя такие холодные руки, сегодня вроде не так уж холодно.

Есть вместе каждый раз?

Лянь Цзюнь остолбенел. Глядя на то, как его ладони бережно растирают, выражение его глаз менялось в течение нескольких секунд. Медленно ослабив хватку на напряженных руках, он сократил расстояние между ними и почти соблазнительным голосом спросил:

— Что ты имеешь в виду? Хочешь занять место Гуа Одина и остальных, получить такой же статус и держаться рядом со мной? Или, может быть, ты хочешь стать ближе ко мне, чем они...

Чего это он вдруг так близко подобрался? Ши Цзинь отступил на шаг назад и покачал головой:

— Нет, я просто хочу нормально поесть. В конце концов, твоя еда определенно лучше той баланды в нашем общажном общепите. Повар в столовой сыплет слишком много соли и масла, я никак не могу к этому привыкнуть.

Лицо Лянь Цзюня окаменело. Его взгляд упал на отступающие ноги Ши Цзиня, и он процедил:

— ...И это всё?

— Всё. Погодите-ка, кто-то идет.

Лицо Ши Цзиня мгновенно посерьезнело. Он выхватил пистолет, зажав его в руке, и толкнул Лянь Цзюня в угол комнаты. Затем он подкрался к двери и прислушался к приближающимся шагам.

Три метра, два метра, один метр... Ши Цзинь взвел курок, не сводя глаз с медленно поворачивающейся ручки двери.

Щелк. Как только дверь распахнулась, Ши Цзинь тут же наставил ствол на вошедшего, приготовившись нажать на спуск.

— Не кипешуй, это я. — Гуа Два поднял руки в знак капитуляции. Успокоив Ши Цзиня, он заглянул внутрь. Заметив Лянь Цзюня, который отъезжал на кресле из угла, он доложил: — Сражения закончились. Как и ожидалось, Гуа Четыре сговорился с посторонними силами и планировал нападение с двух фронтов. Полиция только что закончила разбираться с теми, кто залег в засаде снаружи.

Лянь Цзюнь приблизился к двери и, не глядя на Ши Цзиня, бросил:

— Хорошо.

После этого он развернул коляску и уехал.

Гуа Два озадаченно посмотрел ему вслед, а затем с неверием уставился на Ши Цзиня:

— Ты умудрился разозлить Цзюнь-шао?

Ши Цзинь сначала покачал головой, потом кивнул и неуверенно ответил:

— Наверное...

— Что ты натворил? Цзюнь-шао может казаться холодным, но вообще-то у него железные нервы. Если ты умудрился вывести его из себя, у тебя определенно есть особый талант. — Гуа Два почувствовал, как в нем просыпается жгучее любопытство.

Ши Цзинь вздохнул:

— Я сказал ему, что мне не нравится еда в нашей столовой и я хочу обедать с ним, потому что у него кормят лучше... Разве это большой грех?

Гуа Два:

— ...Пф-ф.

Ши Цзинь прищурился и демонстративно хрустнул пальцами.

— Ой-ой-ой, прекрати, не надо... ай, ты... — Гуа Два перехватил его руку, отчаянно пытаясь сдержаться, но в конце концов не выдержал и расхохотался. Он похлопал парня по плечу, со вздохом бросил «глупый мальчишка» и тоже удалился.

Лицо Ши Цзиня почернело пуще тучи: *«Сам ты глупый! И вся твоя семейка!»*

К рассвету с беспорядками, устроенными Гуа Четыре, было покончено. Сам он был захвачен живым, а все его сообщники обезврежены. Однако фруктовый сад лежал в руинах, и ущерб от взрывов был просто неисчислимым.

Комната Ши Цзиня тоже взлетела на воздух. Проведя на ногах всю ночь и возжелав наконец отдохнуть, он с ужасом обнаружил, что спать ему буквально негде.

Проходивший мимо с дорожной сумкой Гуа Два утешил его:

— Не забивай голову, потерпи немного. Мы сегодня переезжаем, машина прибудет с минуты на минуту. Выспишься в дороге.

Ши Цзинь повернулся к нему:

— Переезжаем? Куда?

— В город В. Вообще-то мы должны были уехать еще полмесяца назад. Если бы не необходимость разобраться со скрытой угрозой Гуа Четыре перед отъездом, мы бы не засиделись в этой дыре так долго. Для людей нашей профессии засиживаться на одном месте — табу, — пояснил Гуа Два, после чего вспомнил еще кое-что. — Кстати, в городе В нам нельзя светиться в одежде фруктового сада. Пойдем со мной, получим новую экипировку.

Ши Цзинь кивнул. Он бросил последний ностальгический взгляд на комнату, где прожил столь короткий срок, и послушно последовал за Гуа Два.

Спустя полчаса сотрудники сада, переодевшиеся в новое, погрузились в модифицированный минивэн и направились в аэропорт провинции Y.

Сиденья внутри были расставлены буквой «П». Ши Цзинь устроился сбоку, рядом с Гуа Два. Напротив сидели Гуа Три и редко попадавший ему на глаза «простой и честный» Гуа Пять. Лянь Цзюнь и утонченный на вид мужчина — Гуа Один — заняли центральные места сверху буквы «П».

В этот момент Гуа Один держал планшет и что-то сосредоточенно на нем набирал. Никаких следов недавних ранений на нем заметно не было, если не считать бледности лица.

В машине царила тишина, никто не произносил ни слова. Ши Цзинь чувствовал себя слегка неуютно. Он ерзал на сиденье и уже собирался отвлечься разговором с Сяо Сы, как вдруг Гуа Один встал и подключил планшет к автомобильному телевизору через провод.

Когда экран загорелся, на нем появилось видео с камер наблюдения. Ши Цзинь с изумлением обнаружил, что в главной роли выступает он сам — запись запечатлела его безумную ночную велопрогулку.

Настроив картинку, Гуа Один повернулся к аудитории, остановил взгляд на Ши Цзине и произнес:

— Поскольку у нас выдалась свободная минутка, по поручению Цзюнь-шао давайте же устроим разбор полетов и оценим действия нашего новичка Ши Цзиня во время вчерашней зачистки предателей.

Ши Цзинь: «...»

<http://bllate.org/book/18125/1741623>